

СПИСАНИЕ С БАЛАНСА

КОМЕДИЙНАЯ
ПОВЕСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ

18+

Александр Трофимов

Списание с баланса

<https://litres.ru/73921628>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восьмидесятилетняя Мария Степановна, получив смертельный диагноз, продаёт всё и едет в Москву тратить накопления на то, чего никогда не позволяла. Устрицы, ночной клуб, розовые волосы и покер становятся гимном жизни вопреки приговору.

Пронзительная, смешная до слёз история о женщине, которая решила жить.

Александр Трофимов

Списание с баланса

«Жить надо было раньше. Но можно и сейчас»

Мария Степановна Клубкова, 78 лет, деревня Малые Вётлы

ПРОЛОГ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ УМЕЮТ УМИРАТЬ

Есть люди, которые умирают красиво. По всем правилам. Сначала долго болеют - тихо, покорно, не причиняя неудобств близким. Потом принимают причастие. Прощаются. Говорят нужные слова: «Я вас всех люблю», «Живите дружно» и «Не забывайте поминать». Всё чинно, организовано. Похороны оплачены заранее. Платье выбрано. Соседи предупреждены. Умирание по регламенту - красивое, правильное, никого не обременяющее.

Мария Степановна Клубкова умирать правильно не умела.

Она вообще ничего не умела делать правильно - если под «правильно» понимать «как принято». Она родила Витьку стоя - в буквальном смысле: встала с кровати за минуту до схваток, потому что решила проверить, не убежало ли мо-

локо на плите, и ребёнок появился на свет прямо на кухне, на половике в ромашку. Акушерка Нинель Борисовна потом говорила всем, что «у Клубковой даже роды не по-людски», но без злобы - с уважением. Мария Степановна похоронила мужа в синей рубаше («Коля в чёрном выглядел как директор похоронного бюро, ему не шло»), а Витьку - в его любимой клетчатой фуфайке. «Пусть тепло ему будет», - сказала она на все возражения, и никто не посмел спорить.

В деревне Клубкову уважали и побаивались одновременно. Это редкая комбинация. Обычно либо одно, либо другое.

Когда районный врач Саша Попов - она нянчила его в детстве, буквально, когда Галина Николаевна выходила в столовую - сказал ей в ноябре про «метастазы» и «три-четыре месяца», Мария Степановна не заплакала. Она достала из кармана пальто сигарету - одну из двух, которые курила в месяц, в «стратегически важных ситуациях», - закурила прямо в коридоре поликлиники и выпустила дым в потолок.

Саша Попов сделал вид, что не заметил. Умный мальчик. Вырос.

- Значит, до лета не доживу, - сказала она. - Новый сорт огурцов хотела посадить весной. Жаль.

- Мария Степановна, я понимаю, что это тяжело...

- Тяжело? - Она посмотрела на него поверх очков. - Саш, я в сорок третьем году замёрзшую картошку на поле подбирала. Вот это было тяжело. А это - так. Плановая проверка. Только результаты нехорошие.

Она затушила сигарету о батарее. Встала. Поправила платок.

- Спасибо, что сказал сам. Другой бы юлил. Ты молодец. И ушла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ЗЕМЛЯ

Глава 1. Деревня как она есть

Деревня Малые Вётлы Костромской области состояла из сорока трёх домов, одной колонки (из которой вода шла через раз), двух магазинов (один назывался «Продукты» и продавал преимущественно водку и просроченный зефир, а второй назывался «Всё для дома» и продавал всё, кроме того, что нужно для дома), православного храма в состоянии вечной реставрации и восьмидесяти семи жителей разной степени сохранности.

Жители делились на три категории: коренные (те, кто остался и никуда не собирался), дачники (те, кто приезжал на лето и строил заборы выше человеческого роста, как будто деревня им чем-то угрожала), и бывшие (те, кто уехал в города и возвращался раз в год с кофе в капсулах и советами, как надо жить).

Мария Степановна относилась к коренным. Более коренной в деревне не было никого. Её прадед корчевал здесь лес, дед строил дом, отец восстанавливал его после войны, и она

сама семьдесят восемь лет прожила на этом клочке земли, ни разу не усомнившись, что другой жизни нет и быть не может.

Ну или почти не усомнившись. Один раз все - таки было.

В шестьдесят первом году, когда колхоз отправил её на курсы бухгалтеров в Кострому и она провела в городе три дня, ходила в кино каждый вечер, ела в столовой котлеты с гарниром за сорок две копейки. В воскресенье, сидела она на скамейке у набережной Волги и думала: «А может, остаться?» Подумала. Посидела. Посмотрела на реку. Потом встала, пошла на автостанцию и поехала домой, потому что там она была нужнее.

Так всегда бывает в деревне. Всегда найдётся что-то, что невозможно бросить. Корова, огород, дом с протекающей крышей, старая мать или просто привычка - то незаметное, липкое, родное, что держит крепче любых цепей.

Дом Марии Степановны стоял на краю деревни, у самого леса. Пятистенок из листвяка, поставленный дедом в тридцать восьмом. Дед строил на века: стены были такими толстыми, что зимой в доме было тепло, как в медвежьей берлоге, а летом - прохладно. Крыша трижды перекрывалась: в пятидесятом, в семьдесят пятом и в двухтысячном - последний раз уже сам Витька лазил по стропилам, матерился и падал, но перекрыл. Витька вообще много чего умел руками, пока руки были свободны от бутылки.

За домом шёл огород - шесть соток, ровных, как страница тетради в клетку. Потом картофельное поле - ещё десять со-

ток. Баня, стоявшая немного криво (это тоже Витькина работа), и хлев, где жили коза Зойка и десяток кур с петухом. Куры были старые и опытные, каждая с биографией, которая заслуживает если не отдельного романа, то, как минимум, обстоятельной брошюры.

Каждое утро Мария Степановна вставала в пять. Не потому что надо было. А потому что за семьдесят лет организм разучился спать дольше - тело само поднималось, как пружина, независимо от времени года и самочувствия.

Она выходила на крыльцо. Смотрела на небо: если красное - к ветру, если серое - к дождю, если ясное - слава богу, сегодня без сюрпризов. Потом шла в хлев, разговаривала с Зойкой: «Здравствуй, дрянь. Опять на меня так смотришь? Поела бы лучше». Зойка зыркала янтарными зрачками осуждающе и ела хлеб с солью, который Мария Степановна приносила специально - Зойка «Бородинский» уважала. Потом кормила кур. Потом шла в дом, ставила чайник и начинала день.

День был всегда похож на предыдущий. Огород. Стряпня. Новости по телевизору. Вязание. Снова огород. Снова новости. Зойка. Куры. Сон.

Это называется жизнь.

И в этой жизни не было ничего лишнего. Но иногда, особенно зимой, когда метель заметала крыльцо и снег лежал неподвижно и безмолвно, как большой белый лист, она садилась у окна и думала: «А что было бы, если б я тогда оста-

лась в Костроме?»

Потом Зойка стучала копытом в хлеву, и она шла ее кормить.

Глава 2. Соседи, без которых деревня - не деревня

Главная соседка Марии Степановны называлась Нюра. Точнее, Анна Феокистовна Пряхина, но «Феокистовна» давно никто не выговаривал, так что - просто Нюра. Семьдесят четыре года, вдова, пять кур, один кот Борман (назвала в честь Мартина Бормана - она увидела «Семнадцать мгновений весны» и нашла Бормана «симпатичным», историческая ирония её не смущала), и характер, который можно было описать одним словом: «ой».

Нюра приходила к Марии Степановне каждый день в девять утра. Стучала три раза. Заходила, не дожидаясь ответа - ключ хранился под ковриком, это знали все. Садилась за стол. Говорила: «Ну, как ты?» - и, не дожидаясь ответа, начинала рассказывать всё, что произошло в деревне за последние двадцать четыре часа.

А в деревне всегда что-нибудь происходило.

Вот, например, в прошлую среду дачники с соседней улицы - молодая московская семья Ковалёвых: муж Денис (работал «в IT», что бы это ни значило), жена Алина (работала «в маркетинге», что значило ещё меньше) и девочка Соня пяти лет, которая боялась всего, включая коз и земли как

таковой, - поставили за одну ночь новый забор. Не обычный, а из металлопрофиля, синего, высотой два метра. Забор перекрыл вид Нюры на дорогу.

- Стёпанна, ты понимаешь?! Я сорок лет из окна дорогу вижу. А теперь - синяя железяка! Я теперь как в тюрьме! Буду жаловаться!

- Нюр, куда жаловаться-то?

- В администрацию. Или в суд. Или в газету. Или вот - в ООН есть же? Там права человека. Я читала.

- Читала где?

- Ну, по телевизору показывали.

У Нюры была своя история, которую деревня знала, но вслух не обсуждала. Нюрин покойный муж, Савелий Андреевич Пряхин, в последние годы жизни был влюблён в учительницу Клавдию Игнатьевну из соседней деревни. Открыто, по-стариковски бесстыже. Приходил с яблоками. Нюра знала. Нюра молчала. Когда он умер, Клавдия Игнатьевна плакала на похоронах громче вдовы. Нюра посмотрела на неё и сказала только: «Клав, не реви. Он и тебя любил. Это не плохо». И всё. Больше ни слова. Это называется достоинство. В деревне оно тоже бывает.

Помимо Нюры в деревне был отец Геннадий - священник храма Успения Богородицы, который находился в состоянии вечной реставрации с 1992 года. Маленький, круглый, с бородой, которая росла в стороны, а не вниз, что придавало ему вид удивлённого ёжика.

- Отец Геннадий, а там есть что-нибудь? Ну, после?

Он долго пил чай. Взял ещё кусок пряника. Пожевал.

- Мария Степановна, если б я точно знал - мне б на земле делать нечего было. Весь интерес в неизвестности.

- Значит, не знаете?

- Верю. А это разные вещи.

- Ну, значит, я тоже поверю, - сказала она. - За компанию.

Ещё был Лёшка Сеницын - тридцать пять лет, единственный молодой житель деревни круглогодичного проживания, тракторист и разнорабочий. Лёшка чинил Марии Степановне забор, крыльцо, электричество и всё остальное, что ломалось. Она платила ему щами и картошкой. Он принимал эту плату без возражений, потому что готовила она, по его словам, «как в кино, только лучше».

Лёшка был влюблён в Алину Ковалёву, жену дачника из IT. Безнадёжно, молча и с таким постоянством, что это уже напоминало не чувство, а профессию. Алина смотрела на Лёшку с вежливым безразличием московской женщины, которая не понимает, зачем вообще существуют трактористы, если хлеб и молоко продается в магазине. Лёшка чинил её синий забор и молчал.

- Лёш, ты б нашёл себе кого-нибудь, - говорила ему Мария Степановна. - В деревне Катька Зотова свободная. Нормальная девка.

- Катька хорошая, но она другая.

- Другая - значит живая рядом. А твоя другая - она далеко

и занята. Щи будешь?

Он ел щи. Думал. Ел ещё. И на следующей неделе снова чинил Ковалёвым забор.

Жизнь в деревне была устроена просто и беспощадно. Каждый знал своё место. Каждый знал о каждом всё. Секретов не было - только тайны, то есть вещи, о которых все знали, но вслух не говорили.

Глава 3. Хозяйство как форма медитации

Огород Мария Степановна вела по системе, выработанной за полвека и не поддающейся никакой логике, кроме собственной.

Грядки располагались не по науке, а по интуиции. Там, где «земля хорошо берёт», - огурцы. Там, где «земля тяжёлая» - картошка, ей всё равно. Морковка - у забора, потому что «ей надо к забору, она в темноте лучше растёт», что являлось агрономической ересью, но морковка почему-то действительно росла у забора лучше. Удобрение - только своё. Магазинное - «химия», от неё у Нюры помидоры горькие. Полив - из бочки с дождевой водой. Прополка - каждое утро, как зарядка.

Эта система работала. Огород давал столько, что каждый год она закатывала банки: огурцы, помидоры, кабачки, лечо, варенье клубничное, малиновое и из крыжовника с апельсиновой цедрой - деликатес, раздавала соседям на Новый год.

Погреб под домом был набит как библиотека: стройные ряды банок с самодельными этикетками, мешки с картошкой, свёкла, морковь, лук. Это был её банковский счёт - не в рублях, а в банках.

Зойка в этой системе занимала особое место. Зойка была козой с Характером - с большой буквы. Она отказывалась доиться по утрам, если за ночь ей снился плохой сон. Она лезла в огород, когда чувствовала, что за ней не следят. Она бодала Лёшку Синицына всякий раз, когда тот приходил чинить, и никогда не трогала никого другого.

- Ты её бойся, - объясняла Мария Степановна Лёшке. - Ты ей что-то сделал в прошлой жизни.

- Я в прошлую жизнь не верю, Стёпанна.

- А Зойка - верит.

Удой у Зойки был хороший: три-четыре литра в день. Молоко шло на творог, на сыр, на кашу, на питьё. Летом Мария Степановна давала молоко Нюре - у той было плохое давление, и врач сказал, что козье молоко помогает. Нюра сомневалась, но пила. Давление не снижалось, зато было что обсудить.

Зимой жизнь в деревне замирала. Снег заметал дорогу, магазин открывался через раз. Нюра приходила реже. Лёшка пропадал на шабашках. Дачники уезжали. Деревня сжималась до нескольких домов с огнями в окнах - как горсть угольков в кострище: маленько, но горят.

Мария Степановна зимой вязала, смотрела телевизор и

читала. Книги брала в районной библиотеке раз в месяц: «Три нормальных, одну про войну и одну про любовь». Про любовь читала последней, перед сном. Засыпала быстро. Снились ей обычно огород и Коля - муж, умерший двадцать три года назад: тихий, молчаливый, с запахом табака и машинного масла. Во сне она его ни разу не спросила, каково ему там. Просто сидели рядом. Этого хватало.

Глава 4. Витька

Витьку она схоронила пять лет назад. Пятьдесят один год ему было. Пятьдесят один - это же ещё жить и жить. Но он не захотел. Вернее, он хотел - просто делал это неаккуратно, с помощью всего, что горело и имело градус.

Витька был умный. Это первое, что она всегда говорила о нём - «умный». Потому что он действительно был умным: читал запоем, в школе учился без усилий на четыре и пять, мог решить в уме любую задачу и починить любой механизм. Руки у него были золотые. Голова тоже. Только вот применить их было некуда - деревня, восьмидесятые, потом девяностые, потом двухтысячные, а в каждом десятилетии своя катастрофа.

Он уехал на Север в 1990 году - на вахту, на буровую. Писал редко, но приезжал - раз в год, иногда чаще. Привозил деньги, конфеты и запах чужих мест. Мария Степановна стирала его куртку, варила борщ, и три дня было хорошо.

Потом буровую закрыли. Потом была другая работа. Потом - другая. Потом - никакой. А водка осталась.

Она знала, что он пьёт. Не сразу, но узнала. Приехал однажды с трясущимися руками и таким взглядом, что она поняла: это не усталость. Это что-то другое. Она ничего не сказала - только сварила борщ. Положила ему три куска мяса вместо двух.

Может, надо было сказать. Может, не надо было. Она думала об этом все эти годы и так и не решила.

Когда позвонили из Сургута и сообщили, что Виктор Николаевич Клубков умер в общежитии от сердечной недостаточности, она положила трубку, вышла в огород, присела на корточки у грядки с огурцами и долго смотрела на землю. Земля была сырая, пахла прелью и новым ростом.

- Ну, Витька, - сказала она земле. - Что же ты.

Больше ничего не сказала. Привезла его и похоронила рядом с Колей - слева. Было и для нее место. Она давно договорилась с бабушкой: «Чтоб сын между нами лежал».

Отец Геннадий тогда произнес: «Мария Степановна, вы сильная женщина». Она ответила: «Отец Геннадий, я не сильная. Просто некогда было слабой быть».

После Витьки деревня стала совсем тихой. Та тишина, которая бывает, когда понимаешь: ждать больше некого. Некому приехать с запахом чужих мест и трясущимися руками, которые всё равно - золотые. Зойка в ту зиму давала молока меньше обычного. Козы тоже чувствуют.

Глава 5. Диагноз

В районную больницу она поехала в первый день ноября. Не из-за диагноза - из-за давления. По пути зашла на флюорографию: «Раз уже приехала, чего зря ездить».

Флюорографию сделали. Потом попросили подождать. Потом позвали к врачу. Саша Попов отвёл глаза. Сказал, что на снимке затемнение, отправили по телемедицине в областной онкоцентр. Пришёл ответ. Заключение подписано заведующим отделением лучевой диагностики. «Множественные очаговые тени, подозрение на mts в лёгкие. Прогноз неблагоприятный».

Саша Попов встретил её с видом человека, которому предстоит сообщить неприятное. У него было такое лицо всегда, когда он смущался: нос краснел, уши тоже, и он начинал говорить быстро, перебивая сам себя. Мария Степановна сидела и слушала. Смотрела на него. У Саши Попова были голубые глаза - как у его матери, только у той голубые были весёлые, а у него сейчас - виноватые.

- Саш. Ты сколько слов наговорил, а я поняла одно. Сколько мне осталось? – спросила она ровным голосом.

- Три... может быть, четыре месяца. Может, чуть больше. Это очень индивидуально.

- Ясно. До огурцов не доживу.

- Я понимаю, что это...

- Не понимаешь. Не надо понимать. Ты молодой. - Она встала. - Рецепт от давления продли. Всё равно, наверное, пить надо. Для порядку.

Он продлил рецепт. Она взяла бумажку. Положила в сумку. Вышла.

В коридоре достала сигарету. Закурила.

«Ну и ладно», - подумала она. - «Главное, чтоб не больно было».

Потом подумала ещё.

«Нет, не это главное. Главное - чтоб не зря».

В автобусе, сорок минут до деревни, она думала и считала. Три месяца - это девяносто дней. Девяносто завтраков. Девяносто раз покормить Зойку. «А зачем?» - спросила она себя. - «Зачем девяносто раз одно и то же?»

И вот тут - впервые в жизни - она почувствовала что-то странное. Не страх. Не грусть. Что-то похожее на лёгкость. Как если бы кто-то снял с плеч мешок, который она несла всю жизнь и уже перестала замечать, что несёт.

- Ну что ж, - решила она для себя. - Значит, надо использовать каждый как последний.

Как именно - она пока не знала. Но подозревала, огурцам в ее планах не место.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ЛИКВИДАЦИЯ

Глава 6. Смета

Дома она первым делом налила чаю. Поставила пряники. Достала тетрадь в клетку. Взяла ручку.

Написала сверху: СМЕТА НА ЖИЗНЬ. Зачеркнула. СМЕТА НА ОСТАВШЕЕСЯ. Тоже не то. Написала: БЮДЖЕТ. Это было правильное слово.

Итого, если дом продать за миллион: дом - 1 000 000, Зойка - 7 000, куры - 3 000, похоронные деньги из банки под половицей - 60 000, матрасные накопления - 70 000. Итого: 1 140 000 рублей.

Она посмотрела на цифру. Потом надела очки. Посмотрела ещё раз. Миллион сто сорок тысяч. Это много. Для неё - очень много. Всю жизнь на пенсию жила - двенадцать тысяч в месяц. А тут - почти сто пенсий сразу.

- Ого, - она даже присвистнула вслух.

Зойка в хлеву что-то ответила.

- Не тебя спрашивают.

Она поделила на девяносто дней. Получилось двенадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть рублей в день. «Почти тринадцать тысяч», - пробормотала она. - Двенадцать тысяч в месяц у меня было - а тут за один день.

- Это ж как надо потратить, - пробормотала она. - Чтоб за девяносто дней - миллион сто тысяч?

Она ни разу в жизни не тратила двенадцать тысяч в день. Двенадцать тысяч в месяц тратила - и то с трудом. Последняя большая покупка - электрическая грелка за восемьсот

рублей. Пятнадцать лет назад.

«Но на что?» - подумала она.

Она всю жизнь смотрела телевизор. Там показывали другую жизнь: рестораны, отели, магазины, города. Там была Москва - с Кремлём, который она видела только на шоколадной коробке. Она никогда не была в Москве. Никогда не ела в ресторане. Никогда не видела море. Список был длинный. Длиннее, чем она думала.

«Вот и план», - решила она. - «Буду тратить на то, что никогда не делала. Пока не кончатся деньги или пока не кончусь я. Что раньше».

Она взяла новый лист тетради. Написала сверху: СПИСОК «НИКОГДА НЕ». И начала писать.

Глава 7. Прощание

Дом она продала за неделю Ковалёвым. Они давно поглядывали на соседний участок. Денис хотел расшириться: поставить мастерскую «для хобби». Алина хотела сад: «Французский регулярный». Что такое «французский регулярный сад», Мария Степановна не понимала, но подозревала - это что-то, где не растёт ничего полезного.

Мария Степановна налила им чай. Поставила пряники:

- Ну, что. Дом хотите?

- А сколько просите?

- Миллион двести. Земля, дом, баня, сарай. Без козы и без

кур. Только если что-то оставить из мебели - говорите.

- Мария Степановна, вы уверены? Вам же здесь...

- Уверена. Решила. Не уговаривайте обратно - я не та, которую можно уговорить. Это вам любой в деревне скажет.

Купили. Торговались. Она сбросила сорок тысяч, получила миллион сто шестьдесят. Зойку отдала Нюре. Бюджет вышел больше, чем думала: дом дал лишние сто шестьдесят тысяч против расчётного миллиона. Итого набралось - она пересчитала дома с тетрадкой - один миллион триста тысяч. Цифра оглушительная.

- Стёпанна, зачем мне коза?

- Молоко пить. Только корми её «Бородинским». Она «Бородинский» любит.

- Стёпанна, куда ты едешь-то?!

- В Москву.

- Зачем?!

Мария Степановна надела пальто. Взяла чемодан - старый, дерматиновый, с металлическими уголками. Сорок лет ему было, не меньше. Крепкий. Как и всё, что было куплено в СССР с расчётом на вечность.

- Нюр, ты пряники тульские любишь?

- Ну люблю, а при чём...

- Вот. Я до них не доживу в этой деревне. А в Москве попробую настоящие. Прямо из пекарни. И ещё - устрицу. По телевизору показывали. Склизкая, но дорогая. Значит, вкусная.

- Маня, ты чего, выпила?

- Нюра, я первый раз в жизни трезвая настолько, что страшно. Ключ под ковриком. Только там уже не мой ключ. Так что не ходи.

Она обняла Нюру. Та держала Зойку за верёвку. Зойка буравила взглядом и, кажется, всё понимала.

- Ну, ладно, Зойк, - обратилась она к козе. - Слушайся Нюру. «Бородинский» у неё купить не забудь попросить.

Зойка промолчала.

Лёшка Синицын довёз её до станции на тракторе. На перроне снял шапку:

- Мария Степановна, вы возвращайтесь.

- Лёш, ты за Катькой Зотовой лучше ухаживай. А я тут советов давать больше не буду.

Поезд пришёл по расписанию. Это был первый приятный сюрприз в её новой жизни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: МОСКВА

Глава 8. Метрополь и враги в ванной

Гостиницу она выбрала по телевизору. В каком-то ток-шоу показывали «Метрополь» - «исторический», «в центре», «напротив Большого театра». Большой театр - это она знала. Там балет. Значит, рядом с культурой жить - правильно.

Портье - молодой человек с бородой такой длины и формы, что сразу понятно: это не «так выросло», а «так задумано», - посмотрел на неё с вежливым изумлением. Потому что женщина семидесяти восьми лет в платке, в пальто, с дерматиновым чемоданом - такое в «Метрополе» не каждый день.

- Номер. С ванной. И чтоб вид был на театр. Я хочу видеть театр.

- Номер с видом на Большой театр - это люкс. Двадцать две тысячи в сутки.

Мария Степановна достала калькулятор. Нажала кнопки. Превышение дневного бюджета на семьдесят процентов. Убрала калькулятор.

- Беру. На три дня. Посмотрю - понравится ли.

Она положила на стойку пачку пятитысячных в банковской упаковке. Портье посмотрел на пачку. На неё. Снова на пачку.

- Мы принимаем и наличными, конечно. Паспорт, пожалуйста.

Номер был большой. Намного больше, чем её весь дом в деревне. С лепниной, с огромной кроватью под балдахином (зачем кровати балдахин - она так и не поняла, но выглядело богато).

А за окном, через площадь, - Большой театр во всей красе: белый, подсвеченный, с колоннами, а на крыше - лошади и какой-то голый мужик в колеснице. «Ну да, - подумала она, - так и должно выглядеть настоящее величие».

Мария Степановна долго смотрела на него:

- Ну вот я и приехала.

Первое, что она сделала - открыла мини-бар. Маленькая бутылочка виски за девятьсот рублей.

- Это грабёж, - подумала она задумчиво. - Но я в отпуске.

Выпила. Закусила орешками. Пошла к душу. Душ был тропический - с форсунками со всех сторон. Она включила воду. Форсунки ударили в разные стороны. Она простояла под этим водопадом секунд двадцать, вышла мокрая как мышь и объявила:

- Понятно. Значит, враги.

Потом разобралась с кнопками за четыре минуты и помылась.

Лёжа на кровати с пятью подушками, из которых по прямому назначению использовалась ровно одна (остальные были отправлены в ссылку на соседний край кровати как «излишества»), она думала: «Вот я и в Москве. Вот это да. Пять подушек на одну голову - это не жизнь, а цыганщина какая-то».

Потом нашарила на тумбочке телефон и позвонила Нюре.

- Нюра, я доехала.

- Слава богу! Как там?

- Дорого. Но красиво. Тут, понимаешь, на крыше театра мужик с лошадьми.

В трубке повисла пауза - такая глубокая, что Мария Степановна буквально услышала, как в Малых Вётлах Зойка

звякнула цепью в хлеву.

- Какой еще мужик? - голос у Нюры стал подозрительным, каким он обычно становился, когда она видела, что дачники Ковалёвы опять что-то строят без спроса. - Маня, ты чего, с поезда прямо в бар пошла, что ли?

- Да нет, Нюр, он там постоянно стоит. Голый. В колеснице. С четырьмя лошадьми.

- Голый?! - Нюра ахнула так, что, казалось, в трубке зазвистел ветер. - Прямо совсем?!

- Ну, как Аполлон. В древнегреческом смысле.

- В каком смысле?! Маня, ты меня пугаешь! Средь бела дня, на крыше, голый мужик с лошадьми - и никто полицию не вызывает?! Вот тебе и Москва твоя! У нас Лёшка Синицын в прошлом годе в трусах до колонки за водой вышел - так вся деревня неделю обсуждала! А тут - голый, с упряжкой, и хоть бы что!

- Нюра, он неживой, - успокоила Мария Степановна. - Памятник. Для красоты.

- А-а-а... - Нюра выдохнула с явным облегчением, но в голосе всё равно прорезались осуждающие нотки. - Ну, всё равно непорядок. Что ж за красота такая - голый мужик над театром?

- Как Зойка? - не выдержала Мария Степановна.

- Орёт. Кусается. Я её «Бородинским» покормила - укусила меня. Без «Бородинского» покормила - тоже укусила.

- Она характером показывает. Скучает. Ты ей погромче

говори «здравствуй» с утра. По имени. Она любит.

- Маня, я козе «здравствуй» говорить не буду. Я не сумасшедшая.

- Нюр, ты покупаешь козье молоко за двести рублей у Кати Зотовой, хотя у тебя теперь своя коза. Ты сумасшедшая, прими это. Так что говори ей «здравствуй». Всё, пока, целую.

Она повесила трубку. Улыбнулась потолку. «Начало положено». - «Завтра - устрицы».

Глава 9. Устрицы и философия потребления

Подошел официант. Лицо холеное, без морщин. Такое лицо бывает, когда тебя не рожала простая женщина в роддоме под Костромой, а Микеланджело Буонарроти высекал из мрамора долгими флорентийскими вечерами, вкладывая в скульпы всю тоску по несовершенству мира. Он глянул на старушку в вязаной кофте и платке, но не сказал ни слова. Профессионал. Только в глубине его античных глаз промелькнуло что-то среднее между ужасом и гастрономическим любопытством. В Малых Вётлах за такой взгляд могли и вилами ткнуть. Или, как минимум, спросить: «Чего вылупился, как баран на новые ворота?» А здесь - сервис. Стоит, как изваяние, ждет заказа. Красота, дисциплина и полное отсутствие совести.

Меню было тяжелым, в кожаном переплете, с золотым

тиснением. Оно напоминало не список блюд, а сборник заклинаний на неизвестном языке. «Fines de Claire №2», «Bretagne Spéciale №3», «Царская устрица из бухты Посьет». Цифры в графе «цена» вызывали желание перекреститься и вызвать священника для проведения обряда экзорцизма. Мария Степановна сняла очки, протерла их о край скатерти (официант едва заметно дернул кадыком) и надела снова.

- Я буду устриц, - сказала она тоном, каким обычно отдавала распоряжения Лёшке Синицыну насчет покоса. - Вот этих... французских. И этих, патриотических, из Посьета. По три штуки. И лимон. Много лимона.

- Прекрасный выбор, - официант чуть наклонил корпус. Тренированный, собака. - К морепродуктам сомелье рекомендует белое сухое. У нас есть прекрасное Шабли, тонкое, с минеральными нотами, или совињон блан из Новой Зеландии, с оттенками крыжовника и скошенной травы.

Мария Степановна поправила платок. Посмотрела на официанта, как смотрела на председателя колхоза в восемьдесят пятом, когда тот на общем собрании предложил засеять кукурузой северный склон оврага, где даже крапива дохла от грусти.

- Сынок, - обратилась она к нему голосом, не терпящим возражений и напрочь игнорирующим акустику дорогого ресторана. - Крыжовник у меня в Малых Вётлах - вот такой, - она показала размер ягоды, сложив пальцы в неприличную, с точки зрения агронома, фигуру. Скошенную траву я ню-

хала сорок пять лет подряд, и не из бокала, а из-под косы. За это удовольствие мне, заметь, еще и трудодни начисляли. Живые деньги, между прочим. А тут я должна за запах сена отдать пять тысяч рублей? Она захлопнула меню и положила на него ладонь, как кладут на Библию в суде.

- Водки. Пятьдесят грамм. Самой простой. Без вот этого всего... - она покрутила пальцами в воздухе, обозначая вселенскую суету, - ...без нот.

Официант завис. На его лице сменялись эмоции, как слайды в диапроекторе: недоверие, ужас, интерес и, наконец, что-то похожее на почтительное изумрение. Так, наверное, смотрели на Гагарина, когда он произнес «Поехали!».

- Водку? - переспросил он шепотом, как будто она попросила привести живого медведя и балалайку. - К... устрицам?

- Сынок, - Мария Степановна вздохнула и поманила его пальцем, заставляя наклониться. - Я в этой стране пережила трех генеральных секретарей, двух президентов, денежную реформу, талоны на сахар и свадьбу Нюриной племянницы в девяносто втором, где гости танцевали под гармошку на столах. Я знаю одно железное правило. Водка подходит ко всему. К селедке. К пельменям. К горю. К радости. И, я уверена, к этим твоим французским слизнякам - тоже. Неси, милый. Не сомневайся. Хуже, чем Нюрин самогон на боярышнике, не будет.

Водку принесли в тяжелом хрустальном стаканчике. Устриц водрузили на серебряное блюдо. Они лежали в колотом

льду, серые, бугристые, влажные, как маленькие глыбы доисторической жизни.

Мария Степановна долго смотрела на них. Потом поднесла к носу.

- Пахнет, - сказала она громко, - как в Ньюрином погребе весной, когда снег тает и подтапливает банки с прошлогодними огурцами. Солено. Йодом. И еще... - она принялась, - ...авантюрой.

Она взяла раковину. Выдавила на дрожащего моллюска столько лимона, что тот, будь у него голос, запел бы «Хаву Нагилу». Поднесла ко рту. Зажмурилась. Опрокинула.

Устрица скользнула в горло - холодная, упругая, с характером.

Это была не еда. Это была спрессованная география. Океан. Чайки над волнами. Небритые французские рыбаки в тельняшках. Вся эта неведомая, бессмысленная с точки зрения колхозного огорода, но прекрасная жизнь.

Мария Степановна проглотила. Открыла глаза. Поглядела на пустую раковину так, словно ждала от нее объяснений.

- Вот это да, - выдохнула она тихо.

Потом, не меняя выражения лица, съела еще одну. И еще. На четвертой она опрокинула в себя стопку водки. Мир немедленно стал логичнее и проще.

- Значит так, - сказала она пятой устрице, лежащей на льду, - вы, конечно, не пельмени. И не борщ. Вы вообще непонятно что. Слизняк в ракушке. Но в вас есть... - она

поискала слово, - ...горизонт. Вы пахнете тем, чего у меня никогда не было.

Она съела пятаю. Шестую. Вытерла губы салфеткой. Посмотрела на официанта, который стоял поодаль с видом человека, впервые увидевшего дрессировку дикого зверя.

- Сынок! - позвала она.

- Да, мадам? - он подлетел мгновенно.

- Вкусно, - признала она. - Дорого, но вкусно. И водка... - она подняла пустую стопку, - ...правильно зашла. Добавки пока не надо. Я должна осознать масштаб потраченного.

Она откинулась на спинку стула и добавила, глядя в потолок с лепниной:

- Раньше я не жила. Я делала вид, что живу. Огород, куры, Зойка. А там, оказывается, целый мир устриц существует. И он меня ждал. Семьдесят восемь лет ждал.

На третий день был ЦУМ. Магазин встретил ее запахом - густым, сладковатым, с примесью кожи, пудры и чьих-то несбывшихся надежд. Специальный запах. Он означал: «Здесь всё стоит больше, чем нужно, но вы всё равно купите. Потому что вы уже зашли. А раз зашли - значит, слабы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.